

УДК 81.00

ББК Ш 141.01.2973

Д181

В. П. Даниленко

Иркутск, Россия

**ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА
В ФИЛОСОФИИ УНИВЕРСАЛЬНОГО ЭВОЛЮЦИОНИЗМА**

Статья посвящена анализу взглядов универсальных эволюционистов на проблему происхождения языка – Демокрита, Лукреция, Ж. де Ламетри, В. Фон Гумбольдта, Г. Спенсера и Г. Фоллмера.

Ключевые слова: универсальная эволюция, эволюционная лингвистика, глоттогенез, Демокрит, Лукреций, Ж. де Ламетри, И. Гердер, В. Гумбольдт, Г. Спенсер, Г. Фоллмер.

V. P. Danilenko

Irkutsk, Russia

**THE PROBLEM OF GLOTTOGENESIS
IN THE UNIVERSAL EVOLUTION PHILOSOPHY**

The article is dedicated to the analysis of views of the universal evolutionists such as Democritus, Lucretius, J. de Lamettrie, J. Herder, W. Humboldt, H. Spencer and G. Vollmer on the problem of glottogenesis.

Keywords: universal evolution, evolutionary linguistics, glottogenesis, Democritus, Lucretius, J. de Lamettrie, J. Herder, W. Humboldt, H. Spencer, G. Vollmer.

Что такое эволюция – теорема, система, гипотеза?... Нет, нечто гораздо большее, чем всё это: она – основное условие, которому должны отныне подчиняться и удовлетворять все теории, гипотезы, системы, если они хотят быть разумными и истинными. Свет, озаряющий факты, кривая, в которой должны сомкнуться все линии, – вот что такое эволюция.

П. Тейяр де Шарден

Поразительные коммуникативные успехи шимпанзе Уошо, бонобо Канзи, гориллы Коко, орангутана Чантека, собаки Софии, попугая Алекса и других «говорящих» животных произвели сенсацию в современной эволюционной лингвистике. Однако теоретическое осмысление этой сенсации, как и других фактов, проливающих новый свет на проблему глоттогенеза, проводится, как правило, под эгидой эволюционной биологии (М. Томассело [Томассело, 2011], С. А. Бурлак [Бурлак, 2011], Д. Бикертон [Бикертон, 2012] и др.). Но более широкий взгляд на задачи эволюционной лингвистики предполагает соединение лингвистики с философией универсальной эволюции.

Происхождение языка и его эволюция – фрагмент эволюции всего универсума. Как же в таком случае эволюционная (филогенетическая) лингвистика, предметом которой является языковая эволюция, может обойтись без того направления в философии, которое получило название универсального эволюционизма или философии универсальной эволюции (the universal evolution philosophy)?

Универсальный эволюционизм держится на двух постулатах – универсализме и эволюционизме. Первый из них состоит в исследовательском охвате всего универсума, второй – в применении эволюционного подхода к его изучению. Выдающимися представителями универсального эволюционизма стали Демокрит, Лукреций, Ж. де Ламетри, В. Гумбольдт, Г. Спенсер, Г. Фоллмер. Цель настоящей статьи – анализ их взглядов на происхождение языка.

Демокрит

У Демокрита (460–370 до н.э.) мы обнаруживаем первый в Европе завершённый эскиз философской картины мира, поскольку он охватил своим взором весь мир. В начало этой картины мира он поместил атомы и пустоту. Но в ней нашлось место и языку.

Вот как великий греческий философ объяснял его происхождение у первых людей: «Так как на них нападали звери, то они стали научиться взаимно помогать друг другу благодаря пользе, приносимой совместными действиями. Собираясь же вместе вследствие страха, они мало-помалу стали познавать знаки, подаваемые друг другу... Вначале голос их был бессмысленным и нечленораздельным, постепенно они стали говорить членораздельно и в общении друг с другом стали устанавливать символы относительно каждой из вещей, и таким образом они создали самим себе привычную речь обо всём существующем» [Антология мировой философии, 1969, с. 344].

Лукреций

В поэме Тита Лукреция Кара (99–55 до н.э.) «О природе вещей» [Лукреций, 1958] обрисовано каждое из звеньев эволюции – физиогенез, биогенез, психогенез и культурогенез. Внутри последнего расположен глоттогенез.

Говоря современным языком, можно сказать, что Лукреций вывел три фактора глоттогенеза – биотический, психический и культурный.

Биотический фактор глоттогенеза состоит в том, что природа одарила людей органами тела, способными к речевой деятельности. Вот почему Лукреций не видел ничего странного в возникновении у них языка:

Что же тут странного в том, наконец, если род человеков

Голосом и языком одарённый, означил предметы

Разными звуками все, по различным своим ощущениям?

Психический фактор глоттогенеза состоит в том, что природа одарила людей разумом. Он позволил им превратить произвольные выкрики, которые дикари издавали при переживании сильных чувств, в осмысленные слова. Чтобы не быть голословным, Лукреций подтверждает это предположение наблюдениями за начатками коммуникативных способностей у животных – собак, лошадей и птиц. Так, по поводу последних он пишет:

*Ястреб, гагара, скопа – когда они по морю ищут,
В волнах солёных себе пропитанье и корм добывая,
То по-иному совсем кричат в эту пору обычно,
Чем если спорят за корм или борются с самой добычей.*

Отсюда вывод:

*Стало быть, коль заставляют различные чувства животных
Даже при их немоте испускать разнородные звуки,
Сколь же естественней то, что могли первобытные люди
Каждую вещь означать при помощи звуков различных.*

Культурный фактор глоттогенеза состоит в том, что язык – один из продуктов культуры. Лукреций вписал язык в культуросозидательную деятельность первобытных людей. Язык, с его точки зрения, способствовал этой деятельности. Он появился не от праздности, а от нужды:

*Что же до звуков, какие язык производит, – природа
Вызвала их, а нужда подсказала названья предметов.*

Лукреций представил в своей поэме самую передовую для античности теорию происхождения языка. Она вполне согласуется с современными представлениями о глоттогенезе. Так, опыты, проводимые во второй половине XX в. с обезьянами, показали, что они способны к усвоению зрительной формы языка, но не способны научиться его устной форме. Этому препятствует строение их ротовой полости. Не приходится сомневаться в актуальности психического фактора глоттогенеза: без успешной психической эволюции возникновение языка у людей не представляется возможным. Что касается культурного факто-

ра глоттогенеза, то именно ему следует отдавать приоритет: язык появился и развивался в рамках преобразующей, творческой, культуросозидательной деятельности наших предков.

Ж. де Ламетри

Жульен Офрэ де Ламетри (1709–1751) возродил в философии первой половины XVIII в. линию *Демокрита – Эпикура – Лукреция* – линию универсального эволюционизма. В центре его внимания стоял вопрос о происхождении человека. Он писал: «...когда мы видим, что часто умный человек обязан жизнью прихоти и определённым действиям дурака, то нисколько не нелепой и не странной кажется мысль о происхождении человека от животных» [Ламетри, 1983, с. 367].

В переходе человекообразной обезьяны в человека французский просветитель первой роли отводил языку: «Переход от животных к человеку не очень резок. Чем, в самом деле, был человек до изобретения слов и знания языков? Животным особого вида... Он отличался от обезьяны и других животных тем, чем обезьяна отличается и в настоящее время, т. е. физиономией» [Ламетри, 1983, с. 190].

И. Гердер

Почти два с половиной столетия прошло с тех пор, как появился «Трактат о происхождении языка» Иоганна Гердера (1744–1803). Но только теперь мы начинаем понимать его эволюционную суть. Его автор не использовал термина *предъязык*, но именно у него эволюционная цепочка «*предъязык → язык*» лежит в основе его размышлений о происхождении языка. Первый – язык наших животных предков, а второй – язык наших человеческих предков. К первому он применял междометную гипотезу о происхождении языка, а ко второму – звукоподражательную.

Предъязык

В предъязыке И. Гердер видел лишь сырой материал для языка. Имея в виду первый, в начале своего трактата он писал: «Я не могу пока ещё ничего сказать о работе человека над формированием языка и рассматриваю всего лишь сырой материал» [Гердер, 2007, с. 136].

Что же он собой представлял, этот «сырой материал» для будущего человеческого языка? «Для меня пока ещё существуют (в нём. – *В.Д.*) не слова, а звуки для выражающих чувства (будущих. – *В.Д.*) слов» [Там же].

Слова – принадлежность языка, который нашему животному предку ещё предстояло создать, а какие же звуки вырывались из его уст, когда он испытывал те или иные чувства? Об этом мы можем лишь догадываться. Во-первых, мы можем о них судить по тем возгласам, которые вырываются из уст животных, а во-вторых, по тем следам, которые были унаследованы языками из их предъязыка. Условно их можно назвать животными междометиями. В большей мере они сохранились в древнейших языках.

«Как много следов этих звуков, – читаем у И. Гердера, – можно увидеть в названных языках, в их междометиях, в корнях их имён и глаголов! Древнейшие восточные языки изобилуют восклицаниями, которые у нас, более поздних народов, либо совсем отсутствуют, либо встречаются лишь глухое, бесчувственное непонимание. В их элегиях слышатся звуки, напоминающие надгробные рыдания и вопли диких народов, как бы продолжающие междометия природного языка, а в их хвалебных псалмах – крики радости и повторяющиеся возгласы... Корни их простейших, самых исконных и действующих глаголов уходят в конце концов в те первые, природные возгласы, которые лишь позднее (в языке. – *В.Д.*) подверглись обработке» [Там же].

Предъязык не свалился нашим животным предкам с неба. Он – их собственное достояние. На его основе стал формироваться язык у первых людей.

Вот почему «мы приходим не к божественному, а как раз наоборот – к животному происхождению языка» [Там же. С. 137].

По поводу божественного происхождения языка священнослужитель Иоганн Гердер выразился вполне еретически: «Божественное происхождение языка не объясняет ничего и не оставляет никаких возможностей для объяснения; это, как Бэкон сказал в другом случае, – священная весталка: она посвящена богу, но бесплодна, набожна, но бесполезна!» [Там же. С. 146].

Предъязык – ещё не язык. Это доязык. Он – предшественник языка. Предъязык можно назвать языком лишь в метафорическом смысле. В подобном, метафорическом, смысле предпсихику у растений можно назвать психикой, предкультуру у животных – культурой. Этот список можно продолжить и новыми метафорами: назвать преднравственность у животных, например, нравственностью, а предъязык наших животных предков – языком ¹.

Об естественном происхождении предъязыка у наших животных предков у И. Гердера читаем: «Итак, если мы назовём эти непосредственные звуки чувств языком (в метафорическом смысле. – В.Д.), то я считаю его происхождение совершенно естественным. Оно носит не только не сверхчеловеческий, но, напротив, явно животный характер» [Там же. С. 139].

Язык

Отграничение предъязыка от языка имеет принципиальный характер. Мы только что видели, что междометную гипотезу И. Гердер принимал в отношении к предъязыку, в котором он видел материал для будущего языка. Но он был решительным противником применения этой гипотезы по отношению к языку. Это и понятно: предъязык – зародыш языка, но до языка как такового ему как

---

¹ Мимоходом следует заметить, что термин *предъязык* применим лишь к животным предкам человека. «Языки» же других животных нельзя называть предъязыками по той простой причине, что они не перешли в языки, подобные человеческому языку. «Язык», появившийся у наших непосредственных животных предков – наш ближайший предъязык.

до солнца. Ему так же далеко до языка, как предкультуре в целом – до культуры. Предкультура (в неё входит и предъязык) – некоторое достояние животных, а культура (в неё входит и язык) – грандиозное творение людей.

Критикуя применение междоветной гипотезы по отношению к языку (а не к предъязыку!), И. Гердер даже сгущает краски: «Не скрою, однако, своего удивления по поводу того, что философам, то есть людям, ищущим отчётливых понятий, могла вообще прийти в голову мысль *выводить происхождение языка из этих вызванных ощущениями криков*. Разве не ясно, что язык является чем-то совсем иным? Ведь все животные, за исключением немой рыбы, выражают свои ощущения в звуках, но никакое животное, будь то даже самое совершенное, не имеет ни малейшего (? – В.Д.) начала человеческого языка в собственном смысле» [Там же. С. 139].

В чём состоит разница между животными языками и человеческими? В том, что первые держатся на инстинктах, а вторые – на разуме. Первые вырываются из уст животных непроизвольно, а вторые – произвольно, сознательно, целенаправленно. Эта разница возводит между ними дистанцию огромного размера. И. Гердер указывает: «Можно придавать этим крикам любую форму, организовывать и облагораживать их как угодно, но если к ним не присоединится разум, который пожелает использовать эти звуки в определённых целях, то я не вижу, каким образом на основе описанного выше закона природы может возникнуть наш произвольный, человеческий язык» [Там же. С.139].

Своим происхождением язык обязан человеческому разуму. Сам же этот разум – плод долгой эволюции наших животных предков. Благодаря высокой степени его развития, они становятся на путь очеловечения. С самого начала этот путь стала сопровождать рождающаяся речь. Почему они стали на неё способны? Потому что они стали способны на осознание знаковой природы звуков, которые производят окружающие предметы.

С того самого момента, как первые люди начинают воспринимать звучание окружающих предметов как знаки этих предметов (блеяние овцы – как знак ов-

цы, лай собаки – как знак собаки и т. д.), они начинают воспроизводить эти звучания с помощью своих органов произношения и тем самым создавать первые слова. Поскольку они копировали с их помощью звучание окружающих предметов, эти первые слова были звукоподражаниями.

И. Гердер писал: «Звук блеяния, воспринятый душой человека как характерный признак овцы, стал благодаря осознанию, именем овцы, даже если язык ещё никогда ранее не пытался пролепетать это имя. Человек узнал овцу по блеянию: оно стало схваченным признаком, заставлявшим душу отчётливо вспоминать об определённом понятии. Так что же это, как не слово?.. *Так был изобретён язык! Это произошло столь же естественным и необходимым для человека образом, сколь естественно то, что человек является человеком*» [Там же. С. 142–143].

Мы видим, что И. Гердер придавал звукоподражательной гипотезе происхождения языка вполне реалистический характер. К сожалению, в развитии этой гипотезы он зашёл чересчур далеко. Он стремился быть в ней чересчур последовательным. О чём идёт речь? О том, что он заставил звучать даже и незвучащие предметы. Последние воспринимаются не органами слуха, а другими органами чувств – органами зрения и осязания. Чтобы не отступать от звукоподражательной гипотезы о происхождении языка, он стал сводить зрительные и осязательные восприятия к слуховым. В этом случае звучать начинают и незвучащие предметы, а следовательно, и их обозначения трактуются как звукоподражания.

И. Гердер полагал, что первые люди были способны превращать зримое и осязаемое в слышимое. Так, он писал: «Большинство зримых предметов движется; многие из них звучат при движении, а если этого не происходит, то они в своём первоначальном состоянии находятся как будто ближе к глазу и, следовательно, будучи расположены в непосредственной близости от него, могут быть осязаемы. Осязание же очень близко к слуху, и его обозначения, например, «твёрдый», «грубый», «мягкий», «пушистый», «бархатистый», «волоса-

тый», «жёсткий», «гладкий», «ровный», «щетиный» и т. п., которые, как мы видим, не проникают в глубину и относятся лишь к поверхности предметов, *издают как бы осязаемые звуки*» [Там же. С. 152].

И. Гердер был умнейшим человеком, но согласиться с «озвучиванием» всего мира, чтобы не изменить звукоподражательной гипотезе о происхождении языка, не представляется возможным. Отсюда не следует, что от преувеличения роли слуховых ощущений его теория глоттогенеза в целом утрачивает свою ценность. Эта теория не утратила своего значения до сих пор. Её главное достоинство – эволюционный подход к решению вопроса о происхождении языка, который стал возможен, с одной стороны, благодаря универсально-эволюционному мировоззрению её автора, а с другой, благодаря эволюционному истолкованию перехода предъязыка в язык.

В. Гумбольдт

Язык для Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835) был не просто одним из продуктов духовной культуры. Он выделил его среди других как главный и исторически первичный. Именно с глоттогенеза он начинал генезис духовной культуры. «Язык, – писал он, – тесно переплетается с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры. Но есть такая древность, в которой мы не видим на месте культуры ничего, кроме языка, и вместо того, чтобы просто сопутствовать духовному развитию, он замещает его» [Гумбольдт, 1984, с. 48–49]. Выходит, «в начале было Слово»?

Во времена В. Гумбольдта было в ходу несколько гипотез о происхождении языка – звукоподражательная (Г. Лейбниц), междоветная (Й. Гердер) и др. Но В. Гумбольдт решительно отмёл эти гипотезы. Все они исходили из предположения о том, что язык создавался постепенно – от слова к слову. Эта точка зрения на зарождение языка выглядит вполне естественно. Она

согласуется с эволюционистской аксиомой о том, что развитие любого объекта осуществляется в направлении от его более простых форм существования ко всё более сложным. В. Гумбольдт в вопросе о происхождении языка пренебрёг этой аксиомой, хотя идея развития языков от их менее совершенных форм к более совершенным пронизывает всё его лингвистическое наследие.

В. Гумбольдт считал, что язык возник сразу и целиком – как Афина из головы Зевса. Он писал: «Язык не может возникнуть иначе как сразу и вдруг, или, точнее говоря, языку в каждый момент его бытия должно быть свойственно всё, благодаря чему он становится единым целым» [Гумбольдт, 1984, с. 308]. В другом месте читаем: «...первое слово уже предполагает существование всего языка» [Гумбольдт, 1984, с. 314]. Чудодейственная интерпретация возникновения языка здесь налицо. Её таинственность ещё больше возрастает, когда мы вспомним о таких словах В. Гумбольдта: «Язык не является произвольным творением отдельного человека, а принадлежит всегда целому народу» [Гумбольдт, 1984, с. 318]. Выходит, язык возник сразу и целиком в сознании целого народа.

Эволюционистское мировоззрение во времена В. Гумбольдта ещё лишь пробивало себе дорогу. Универсальный эволюционизм Жюльена де Ламетри и биологический эволюционизм Жана Батиста Ламарка ещё не стали достоянием научной общественности. Вот почему нет ничего удивительного в том, что в осмыслении универсального эволюционизма и в его приложении к глоттогенезу В. Гумбольдт ещё не был последовательным. В вопросе о происхождении языка мы обнаруживаем у немецкого учёного его явный недостаток.

Г. Спенсер

Герберт Спенсер (1820–1903) обладал поистине «мирообъемлющим умом» (выражение В. Г. Белинского о В. Шекспире). Ему удалось построить эволюци-

онную модель по существу всего мироздания, состоящего из четырёх этажей – физиосферы, биосферы, психики и культуры.

Описывая физиогенез, биогенез, психогенез и культуругенез, Г. Спенсер опирался на выработанное им общее понимание хода эволюции: «Вещество, входящее в состав нашей Солнечной системы, принимая более плотную форму, вместе с тем изменялось путём перехода от единства распределения к его многообразию. Затвердевание Земли сопровождалось переходом от сравнительного однообразия к чрезвычайному разнообразию. Развиваясь из зародыша в тело сравнительно большого объёма, каждое животное или растение также переходит от простого к сложному. Возрастание общества, как в отношении его численности, так и прочности, сопровождается возрастанием разнородности его политической и экономической организации. То же самое относится ко всем надорганическим продуктам – языку, науке, искусству и литературе» [Антология мировой философии, 1971, с. 613].

Размышления о классифицирующей деятельности у первобытных людей, Г. Спенсер писал: «Заметим здесь, что познание сходства и несходства, которое лежит в основании классификации и из которого непрерывное классифицирование развивает идею совершенного сходства, лежит также и в основании процесса наименования, а следовательно, и языка. Всякий язык состоит вначале из символов, которые подобны означаемым ими вещам настолько, насколько это возможно. Язык знаков есть средство сообщения идей путём подражания действиям и особенностям вещей, о которых идёт дело. Язык слов является вначале также средством напоминать предметы или действия путём подражания звукам, которые производятся предметами или которыми сопровождаются действия. Первоначально эти два языка (жестово-мимический и звукоподражательный. – *В.П.*) употреблялись одновременно. Достаточно только заметить телодвижения, которыми дикарь сопровождает свою речь, видеть бушмена или кафра, драматизирующего перед слушателями свой способ охоты за дичью, или обратить внимание на крайнюю бедность словаря во всех первобытных языках,

– чтобы понять, что вначале положения, телодвижения и звуки одинаково сочетались для произведения возможно лучшего подобия вещей, животных или событий и что по мере того, как звуки стали пониматься сами по себе, телодвижения вышли из употребления, оставляя, однако, следы в манерах более впечатлительных цивилизованных рас» [Спенсер, 1998, с. 510].

Как видим, оба первобытных языка – жестово-мимический и звукоподражательный, Г. Спенсер основывал на способности диких людей к подражанию предметам – либо их физическим свойствам с помощью телодвижений, либо звукам, которые от них исходят, с помощью артикулируемых слов. Вот почему мы можем определить его взгляд на глоттогенез одним словом – подражательный. Однако большее значение он придавал звукоподражательной точке зрения.

Таким образом, Г. Спенсер рассматривал эволюцию языка (глоттогенез) как продолжение эволюции познания (когногенеза). За развитием классифицирующей деятельности у первобытных людей шёл процесс семиотизации её объектов – подражания обозначаемым предметам с помощью телодвижений и звукоподражаний.

Г. Фоллмер

Герхард Фоллмер – современный универсальный эволюционист. Г. Фоллмер выводит человеческий язык из «языка» животных. «Для эволюционной теории познания – писал он – языковая способность людей также является результатом эволюции» [Фоллмер, 1998, с. 185].

Чтобы объяснить эволюцию языка, немецкий философ использовал дарвиновскую терминологию: «Языковая способность является важным средством приспособления в ходе естественного отбора» [Фоллмер, 1998, с. 185].

Язык стал ярким признаком человека. Чем он отличается от средств коммуникации, используемых у животных? По Г. Фоллмеру, во-первых, тем, что он

стал опорой мышления, а во-вторых, он позволил передавать знания от одного поколения к другому. Таким образом, он выделил две главные функции у языка – когнитивную и коммуникативную. Прагматическая же функция осталась в стороне.

Какой же урок преподавал Г. Фоллмер в своём главном труде своим коллегам, для которых слова *эволюция* и *эволюционизм* не имеют мировоззренческого значения? Он показал им универсальность эволюционного подхода. Он указывал: «Принцип эволюции является универсальным. Он применим к космосу как целому, к спиралевидным туманностям, звёздам с их планетами, к земной мантии, растениям, животным и людям, к поведению и высшим способностям животных; он применим также к языку и историческим формам человеческой жизни и деятельности, к обществам и культурам, к системам веры и науки» [Фоллмер, 1998, с. 110].

В другом месте читаем: «Эволюционное мышление универсально» [Фоллмер, 1998, с. 216]. Это главная мировоззренческая идея немецкого универсального эволюциониста в его книге. Только с глубоким осмыслением этой идеи наука в состоянии прийти к объективной картине мира. Логика Г. Фоллмера в его книге была такой: если в физике, биологии, психологии и др. науках универсальный эволюционизм уже завоевал себе прочное место, то почему он до сих пор не стал повсеместным.

Почему, добавлю я от себя, универсальный эволюционизм остаётся по большому счёту в стороне, при решении вопроса о происхождении языка в современной эволюционной лингвистике?

Между тем, опираясь на философию универсальной эволюции, для решения проблемы глоттогенеза мы могли бы наметить следующие установки:

1. Междоментная, звукоподражательная и трудовая гипотезы о происхождении языка вовсе не канули в Лету. Их нужно актуализировать и синтезировать в единую эволюционную теорию глоттогенеза. Каждая из них должна быть соотнесена с соответственным моментом в процессе, с одной стороны, подготовки к

глоттогенезу (междометная), а с другой, его начала и развития (звукоподражательная и трудовая).

2. Если философские (универсально-эволюционные) подходы в науке о происхождении языка направлены на рассмотрение языка как продукта универсальной эволюции, то частно-научные – биологические, психологические и культурологические – как продукта биогенеза, психогенеза и культурогенеза.

3. Как и человек, язык имеет четыре стороны – физическую, биотическую, психическую и культурную. Как и человек, язык вобрал в себя всю предшествующую эволюцию – физическую, биотическую, психическую и культурную. Как и человек, язык обязан своим происхождением в первую очередь культурогенезу. Каждая сторона языка, как и человека в целом, эволюционировала, но приоритетную роль в его развитии играла эволюция его культурной стороны.

4. Как только наши предки – хабилисы – приблизительно 2,5 млн лет назад сумели взглянуть на себя и окружающий мир творческими, преобразующими глазами, они вступили на путь очеловечения (антропогенеза, гоминизации). Они стали творить культуру – в том числе и языковую, которая становилась тем выше, чем дальше человеческий язык отрывался от своего животного эмбриона.

5. Главное отличие между «языком» у животных и языком у людей состоит в том, что первый – продукт в первую очередь биопсихогенеза, что делает его явлением по преимуществу врождённым, передаваемым генетическим путём, что не исключает элементов коммуникативного научения у животных, а второй – продукт не только биопсихогенеза, но и – главным образом – культурогенеза, что делает его явлением, приобретаемым по преимуществу в процессе культурной эволюции и одним из ведущих факторов очеловечения (наряду с наукой, искусством, нравственностью и т. д.).

6. Зачаточный язык – предъязык – был представлен уже у наших животных предков – австралопитеков. Он состоял из произвольных возгласов («междометий»), вырывавшихся из их уст при выражении чувств. Как только успешная

биопсихическая эволюция позволила им творчески подойти к своему языковому эмбриону, они вступили на путь очеловечения, а следовательно, стали превращать предъязык в язык. Подобным образом обстояло дело и с другими продуктами культуры – благодаря творческому, преобразующему, культуросозидающему отношению к миру наши предки превращали грубые камни в удобные орудия труда, естественные деревья в обработанный материал для искусственных жилищ и т. д.

7. Первые слова в языке возникли, с одной стороны, в результате культурной обработки произвольных эмоциональных «междометий», доставшихся первым людям от их животных предков, а с другой стороны, благодаря звукоподражаниям, которые они создавали сами. Как междометия, так и звукоподражания становились со временем всё более и более членораздельными.

8. Первые слова – как междометные, так и звукоподражательные – были полупроизвольными. Их главная роль у хабилисов состояла не в том, что некоторые из них переводились в произвольные слова, а в том, что на их материале, как и на материале жестов, сознание знаковости (отсылочности, произвольности и перемещаемости знака) стало настолько глубоким, что появилась твёрдая когнитивная основа для создания вполне полноценных членораздельных слов с произвольными (условными) отношениями между знаком и обозначаемой реальностью уже независимо от первых междометных и звукоподражательных слов. В результате произошёл великий скачок первобытного языка от его междометно-звукоподражательного – полупроизвольного – состояния к подлинно человеческому – условно-произвольному – состоянию.

9. В своей эволюции язык прошёл через две эпохи – моновербальную и поливербальную. Характерная черта первой – употребление однословных (моновербальных) предложений, характерная черта второй – употребление нескольких словных (поливербальных) предложений.

10. Слова, входящие в моновербальный язык (протоязык), как и предложения, где они использовались, обладали крайней полисемантической, которую

следует расценить как синкретическую (диффузную). Она состояла в том, что одно и то же слово-предложение могло обозначать и предмет (*птица*), и его признак (*летит*) и ситуацию (*птица летит*). Более того, оно могло употребляться в качестве метафоры (*летит* – по отношению к камню, копьё, стреле и т. д.). Вот почему полисемантичность моновербального языка служила основой для образования новых слов за счёт метафор и метонимий.

11. Фразообразовательный механизм в моновербальном языке ещё не был разработан. Создание однословного предложения состояло в прямом переводе слова в предложение. Этот перевод не был опосредован морфологической формой слова. Этим объясняется отсутствие в протоязыке частей речи.

12. Эволюция моновербального языка в первую очередь состояла в расширении лексической картины мира. От лексического освоения первобытного мирка древние люди продвигались к вербализации всё новых и новых сфер мира – унисферы, физиосферы, биосферы, психики и культуры. В каждом языке в конечном счёте стала формироваться особая картина мира. Степень её разработанности и своеобразия проистекает из уровня культуры его носителей, а также из особенностей их национального мировидения.

13. Способность к построению поливербальных предложений – величайшее достижение языковой эволюции. Благодаря ей, появилось фразообразование, включающее в себя три периода – лексический, морфологический и синтаксический. Второй из них вызвал потребность в выработке специальных частеречных показателей. В первую очередь их, очевидно, получили три части речи – существительные, глаголы и прилагательные.

14. Отношения между культурой и языком можно определить как коэволюционные. Иначе говоря, они находились и находятся в отношениях взаимного влияния. Однако на приоритетное положение мы должны поставить здесь не язык, а культуру: он коэволюционировал и коэволюционирует вместе и вслед за культурой. Его коэволюция с культурой шла и идёт по пути обслуживания развивающейся культуры.

15. Служебную роль по отношению к культуре язык выполнял тем более успешно, чем успешнее эволюционировал каждый из его уровней – звуковой, словообразовательный, лексический, морфологический, синтаксический и текстуальный. Возможности языка, вступившего на путь поливербальной эволюции, стали расти за счёт эволюции каждого из этих уровней.

16. Эволюция не каждого языкового уровня зависит от эволюции культуры в равной степени. Языковая эволюция подчиняется и внутренним факторам. Непосредственное влияние культурогенез оказывает на развитие ведущих уровней языка – лексического и текстуального, тогда как на развитие других его уровней он оказывает опосредованное влияние. Непосредственное влияние на эволюцию языка на этих уровнях оказывают внутриязыковые тенденции. Они делают язык в какой-то мере самонастраивающейся системой. Языкотворческая энергия в этом случае направляется в русло тенденций, ставших господствующими в данном языке. Эти тенденции начинают выступать в нём в качестве эволюционных системообразующих факторов – детерминант.

Библиографический список

1. Антология мировой философии / под ред. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1969. Т. 1. Ч. 1. 576 с.
2. Антология мировой философии / под ред. И. С. Нарского. М.: Мысль, 1971. Т. 3. 760 с.
3. Бикертон Д. Язык Адама. Как люди создали язык, как язык создал людей. М.: Языки славянских культур, 2012. 336 с.
4. Бурлак С. А. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель, 2011. 480 с.
5. Гердер И. Трактат о происхождении языка. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 88 с.
6. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 398 с.
7. Ламетри Ж. О. Сочинения. 2-е изд. М.: Мысль, 1983. 509 с.
8. Лукреций. О природе вещей. М.: Издательство АН СССР, 1958. 259 с.
9. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск: Современный литератор, 1998. 1408 с.

10. *Томассело М.* Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011. 328 с.

11. *Фоллмер Г.* Эволюционная теория познания: врождённые структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки. М.: Русский двор, 1998. 256 с.